

Первого ноября прошлого года «Скорая» привезла в травматологию третьей детской больницы жестоко избитого малыша. Все его тело, руки, ноги, голова были в страшных кровоподтеках. Обследование показало, что у мальчика перелом височной части черепа и глубокое сотрясение мозга. Ребенка немедленно поместили в отделение реанимации под капельницу, и несколько суток врачи и медсестры почти неотрывно дежурили у его кровати. Состояние малыша было тяжелейшим, и почти не оставляло надежд на то, что он выживет.

По какому-то трагическому стечению обстоятельств оказалось, что именно первого ноября маленькому пациенту Мише Ахметову исполнилось четыре года. И по той же самой причине — что избил Мишу его родная мама. Так двадцатилетняя Оксана Утянская отпраздновала день рождения своего младшего сына...

Почти два месяца Миша находился в больнице. Поначалу потому, что остро нуждался в лечении и уходе, потом — что все это время его никто не навещал и забирать домой не торопились. В конце декабря малыша перевели в Центр помощи детям — недавно открытое учреждение типа Дома ребенка.

Когда Миша стал способен отвечать на вопросы, он рассказывал врачам, что мама, когда напьется, всегда сильно бьет его, и потому домой он ехать не хочет...

В начале ноября прошлого года Правобережный ОВД завел уголовное дело на О. А. Утянскую по статье 108 Уголовного кодекса России — по факту нанесения ею тяжких телесных повреждений собственному ребенку. Но дело это было, так сказать, «заочное»: найти Оксану милиции не удавалось почти полгода. Только в марте молодая женщина была случайно задержана на «сковородке», что на перекрестке улиц Октябрьской и Ленинградской, по подозрению в торговле краденом. Оксана вынесла на рынок два больших пакета белого порошка, которым накануне «запаслась» на адыюстаже третьего листопркатного цеха: говорят, с этим порошком хорошо стирать и кипятить белье. Но сейчас разговор не о стирке и не о том, как сумела она, никогда не работавшая на комбинате, пройти на его производственную территорию, которая, вроде бы, охраняется очень строго. Это другая тема. Сегодня для нас важно, что, возбуждая против Утянской дело по 144 статье (кража), работники Ленинского ОВД не знали, что их «подопечная» объявлена в розыск Правобережным отделом милиции, и отпустили ее под подписку.

Арестовали Оксану только в середине мая 1996 года, когда в Правобережный суд пришло дело, в котором она числилась в группе, совершившей преступление, предусмотренное статьей 146 частью второй Уголовного кодекса РФ.

Неискушенному читателю нумерация уголовных статей мало что говорит — и хорошо. Есть надежда, что те, кому не знакомы статьи Уголовного кодекса, и сами ничего противозаконного не совершали, и членов их семей от этого Бог уберет. А то, честно говоря, иногда кажется, что уж и не осталось в Магнитке людей, хоть каким-нибудь родственником краем не зацепивших уголовного законодательства.

Так вот: 146 статья УК говорит об ответственности за совершение разбойного нападения.

Почти год спустя — 9 октября 1996 года — Правобережный суд под председательством Валентины Александровны Хазиевой начал процесс, в котором ранее не судимая О. А. Утянская обвинялась сразу по трем статьям. Вместе с ней за барьером скамьи подсудимых находились еще трое: мужчина и две женщины. Все очень молоды: по внешнему виду примерно лет по 20-30. Потерпевшая в зале одна: двадцатилетняя Алена Ш.

Судьи, задавая вопросы во время процесса, добиваются доказательств преступления всех вместе и, помимо того, подтверждения действий конкретного подсудимого, чтобы каждому назначить адекватное современному наказание. Журналиста, пишущего судебные очерки, в конкретном деле интересует совсем иное: почему совершается то или иное злодеяние, как нормальный человек превращается в преступника, каким образом преступление вписывается в нашу обыденную жизнь и как на нее влияет. Поэтому, слу-

шая выступающих в судебном процессе, пытаешься представить себя на месте происшествия наблюдателем, перед глазами которого разворачиваются события.

Что же произошло в ночь с 21 на 22 октября 1995 года — именно в этот период совершено разбойное нападение на двух девушек. Было примерно 00 часов, когда вместе с подругой и ровесницей Татьяной Б. Алена Ш. возвращалась домой, отпраздновав свой день рождения в кафе «Аленушка», названном так в честь всех Аленушек Магнитки. Подруги были нарядно одеты, приятно пьяны, прекрасно настроены. И они дуэтом пели для уже спящих жителей улицы Суворова популярную песню о том, что в Саратове много золотых огней и холостых парней, но любят они, к сожалению, женатого.

На противоположной стороне улицы возле первого детского интерната подруги увидели не менее, чем они, «веселую» компанию и попросили закурить. Ни страха, ни тревоги они в тот момент не испытывали: да и кого бояться — один парень и четыре молодых женщины. Потом, на суде, Алена так

ними встречными. А уж коли заговорили, так внимательно смотрите и запоминайте, кто во что одет и кто где стоит...

— Господи! — после очередной претензии подсудимых к потерпевшей и ее подруге грустно вздохнула судья Хазиева. — Да подходите вы к кому угодно на улице, только не бейте и не раздевайте никого!

Не исследованы до конца, а может и совсем непостижимы человеческому разуму законы стихии, сбивающие в одну преступную стаю таких разных, но в чем-то очень похожих по своему внутреннему содержанию людей. Какая сила собрала в тот памятный вечер четырех почти незнакомых друг с другом женщин в квартире единственного среди подсудимых мужчины Виктора Бородинки? Что притянуло их к нему, что заставило вплоть до суда оправдывать, агрессивно нападая на потерпевшую и свидетелей, буквально прикрывая собой?

В свои тридцать лет Бородинкин имеет «богатый» криминальный опыт. Пятнадцатилетним подростком он впервые был осужден на два года за хулиганство, а в девятнадцать

и скажет:

— Нам и в голову не приходило, что в наше время следует бояться еще и женщин.

Закурить девушкам дали, какое-то время все постояли вместе, поговорили о том, о сем. Потом как будто бы разошлись в разные стороны — каждая группа пошла своей дорогой. Но вдруг ночные встречи окружили Татьяну и Алену. На подруг посыпались удары со всех сторон. Татьяна каким-то чудом удалось вырваться из круга, и она побежала в сторону дома. А Алену сбили с ног, и на какое-то время она потеряла сознание.

Когда очнулась, то увидела себя уже почти раздетой: без плаща, пиджака и только в одном сапоге. Заметив, что жертва приходит в себя, девушка с золоченой «фиксой» опять ударила ее по голове и сняла второй сапог. Алена помнит, что она кричала и звала на помощь. Но, когда окончательно пришла в себя, увидела только подбегающих подругу и свою мать и быстро удаляющуюся группу тех, кто только что бил и раздевал ее. Кроме одежды и обуви, с нее сняли три золотых цепочки, золотые печатки и колечко, порвав мочку уха, сорвали золотые же сережки, вырвали из рук сумку.

Девушки утверждали на следствии и на суде, что били и раздевали Алену все пятеро. Но несовершеннолетняя Светлана Шафоростова предстала перед судом в качестве свидетеля.

Крупная, полноватая, с обесцвеченными волосами Светлана вполне сошла бы за взрослую девушку, если бы — нет, не наивное, а какое-то бездумно-пустое выражение глаз. В нынешнем году Шафоростовой исполнилось семнадцать, значит, в момент совершения разбойного нападения она была на год моложе. Вечером 21 октября, когда она пришла «в гости» к мужчине, который старше ее в два раза, пилеводку в компании с ним и его подругами, а поздней ночью пошла «гулять», Светлане Шафоростовой было уже 16. Очевидца всего, что произошло на улице Суворова, она давала в суде весьма странные и противоречивые показания.

Впрочем, противоречий и странностей хватало и в показаниях, и в поведении подсудимых. В одном они старались держаться заодно: «потерпевшая сторона» сама спровоцировала уличный скандал, поскольку была пьянее их компании, да еще и разодета как на показ. Нечего шлаться ночью по улицам, распевать песни и заговаривать со случай-

вам другое скажу: мне хоть 10, хоть 20 лет заключения давайте — выйду, все равно буду этим заниматься. Мне это нравится.

Согласитесь, такое заявление может кого угодно шокировать. И первая мысль была: Боже, да тебя, девочка, вообще нельзя на свободу выпускать! Резервации для таких, как ты, строить надо!

Похоже, примерно такие же мысли посетили не только ведущих процесс судей, но даже соседей Елены по скамье подсудимых, хотя реагировали они на ее высказывания по-разному. Наврузова, в свои 37 лет явно по-павшая под влияние этой энергичной молодой грешницы, лишь вяло скривила губы, откровенно и безнадёжно глядя в окно напротив. У Утянской испуганно округлились глаза, а Бородинкин посмотрел на свояченицу с иронией и любовью.

По словам самой Елены, ни с кем она отныне имуществом не делилась, а собрав все в сумку, «подорвалась» в Казахстан, в город Кустанай, где «опрокинула» все цыганам.

— Я гастролерова из города в город, пока меня милиция «на тюрьма» не взяла. А что? На то милиции деньги платят — пускай ищет!

В перерыве Валентина Александровна спросила:

— Ну и что вы думаете обо всем этом? Какой талант пропадает! Ведь огонь-девка! Какой темперамент, сколько энергии! Если бы это в нужное русло направить — цены бы нашей Бекетовой не было.

— Мне почему-то кажется, что она играет какую-то роль, — сказала я, — Этакой отпетой преступницы, которой все нипочем. А внутри-то, наверное, все дрожит.

— Да, актриса, ничего не скажешь, — согласилась народный заседатель Т. Н. Коршикова, проработавшая 30 лет преподавателем педучилища.

Бывший прокатчик комбината, а ныне пенсионер и тоже народный заседатель А. И. Слюка только головой покачал.

— Актриса-то актрисой, — возразила Валентина Александровна, — но ведь она и в самом деле — лидер от природы. Такая и в колонии на побегушках не будет.

И вот снова идет процесс. Судья Хазиева, помощник прокурора И. Ю. Выдрина задают наводящие вопросы подсудимым, а я не свожу с них глаз, пытаюсь понять что-то главное. Юристы говорят, что сейчас, наконец, и у нас перестали отрицать теорию Ломброзо, согласно которой склонность к преступлениям заложена у некоторых людей в генах, что порочность можно «прочитать» по чертам лица — форме и величине глаз, носа, подбородка, по характерной мимике...

Виктор Бородинкин в таком случае больше похож на приличного молодого человека из интеллигентной семьи: худощавый, светловолосый, заостренное лицо будто туго обтянуто кожей, высокий, без морщинок лоб заканчивается легкой пролысинкой. Взгляд спокойный, несколько напряженный. Нет, встретишь на улице, и не подумаешь даже, что этот парень треть жизни провел в заключении...

В Наталье Наврузовой легко различить крепко выпивающую женщину: темное, словно обветренное лицо, резкие морщины вдоль щек, печальный взгляд.

Оксана Утянская 21 год, но выглядит она обиженной девочкой-подростком: глядя на нее, никогда не скажешь, что у этой женщины двое детей.

И, наконец, Елена Бекетова, если б не эти ее уголовные манеры, просто хороша — у нее тонкое европейской красоты лицо, ладно скроенная фигурка.

Так и хочется повторить сказанное Валентиной Александровной Хазиевой: эх, девочки-девочки, что же вы с собою делаете? Болтаетесь, как перекати-поле, пропиваете свою молодость, рождаете от кого попало! Что дальше-то с вами будет? Что вы себе в будущем уготовили?

В нашем случае ответ на последний вопрос прост: долгие годы лишения свободы, тюремные «университеты», нередко навсегда определяющие профессию и дальнейшую жизнь.

Все чаще преступления совершаются женщинами. И не какие-нибудь кражи, а особо опасные — хулиганства, грабежи, угоны автомашин, разбойные нападения, убийства. Женщины, самой природой-Матерью предназначенные для того, чтобы дарить жизнь, становятся все более агрессивными, жестокими воительницами. Опасайтесь ночных встреч с такими вот «амазонками» с Уральских гор. Это может вам стоить не только имущества и здоровья, но и жизни.

За что и ради чего эта женская война с миром?

Нет ответа.

... В Центре помощи детям мне сказали, что добрые люди из сельского района оформили опеку над Мишей Ахметовым и увезли его к себе в деревню. Вначале запуганный, заторможенный ребенок за полгода отошел, отгорелся в этом чудном доме и стал походить на обычного четырехлетнего ребенка. Собственно, через несколько дней ему исполнилось пять лет.

Но у Оксаны Утянской пока еще сохранились родительские права на Мишу, и, отбыв наказание, она может забрать его у опекунов... Так что все плохое для Миши еще может повториться...